

Владимир КУПРИЕНКО

выпускник БГПИ 1977 года, член Союза писателей России

От редакции. 12 ноября Владимиру Алексеевичу Куприенко, одному из наших постоянных авторов, исполнилось 60 лет. Поздравляем юбиляра с замечательной датой и выходом новой книги – «Возможность отменить понедельник»! В 11-м выпуске «Амура» вниманию читателей представлены две авторские версии важных для нашего альманаха тем – воспоминания о БГПИ и путешествия в Поднебесную.

Рассказы

СТАБИЛЬНЫЙ ТРОЕЧНИК И ПРОГУЛЬЩИК

Голова болела. Очень. Она просто трещала по швам. Как-то очень вызывающе и тревожно. И давил сущняк. Была жизненная необходимость выпить сто пятьдесят беленькой. Не меньше. Чтобы помочь организму. Но была и другая необходимость – предстать «пред суровые очи» декана истфила, незабвенного Геннадия Филипповича Аленишкина.

Голова «кричала» по одной очень простой причине: вчера (24 ноября 1972 года, как сейчас помню) я прощался с доблестным коллективом контролёров ОТК свободненского электроаппаратного завода. Меня провожали на учёбу в педагогический институт. Для начала – на подготовительное отделение. Как ни странно (для меня), поданные на истфил БГПИ документы успешно прошли всё и вся, и эта суета (благостная для мамы) разрешилась успехом – вызовом в институт.

«Ну, вот, – удовлетворённо молвила мама, – наш последыш отправляется в вуз». Мама сказала и вздохнула. Прямо скажем, тяжко вздохнула. Эта тяжесть была понятна нашей семье. Дело в том, что последыш год назад успешно «дембельнулся» из Иркутского педагогического института иностранных языков. Романское отделение, два курса и коридор. Отчислен за академическую неуспеваемость. Точка. Или запятая, потому что за этой «академической неуспеваемостью» много чего было. А именно: связь (совершенно запретная по тем временам) с иностранцами, фарцовка (запретное явление в высшей степени!), наркомания (таковой в ту пору не было вовсе и быть не могло. Чтобы советский студент... Да вы с ума сошли!!!).

Итак, вчера меня провожали. Мы много пили и совсем мало ели. И всем было хорошо. А после третьей – особенно. После третьей я почти поверил, что стал отличным спецом отдела трудового контроля. Так говорили, и я поверил. Почти. Хотя, на самом деле, я им не стал и не стал бы никогда. Слава богу, я всегда помнил, что «Рождённый ползать...» должен именно ползать. Что я и сделал: отполз с завода и направился в нужном направлении.

Вчера меня провожали, а сегодня голова моя «выла», требуя помощи, но в 9 утра нужно было спрятать этот больной инструмент (голову) под мышку и попробовать вполне сносно и почти трезво сказать представительной комиссии: «Здравствуйте, я хочу стать сту-

дентом БГПИ». Я сумел-таки это сделать и стал слушателем подготовительного отделения истфила.

После Иркутского иныза (1971–1972 годы) Благовещенский пединститут показался раем, но рай этот очень настораживал. Здесь, в сравнении с «там», студенты казались ангелами, и меня преследовало постоянное желание потрогать их со спины в поисках крылышек.

Здесь царили (в общем и целом, какие-то аномалии, естественно, возникали, но это такая мелочь!) комсомольская дисциплина и совершенно нормальный образ жизни. Советский, правильный до мозга костей. И когда ко мне подошли истфиловские «диссиденты» Володя Холкин, Коля Фёдоров и Володя Новиков с предложением редактировать журнал (лёгкий, порхающий, совершенно безобидный самиздат, на который даже кагэбэшники не обратили внимания), я сильно удивился. Крайне.

Имея печальный иркутский опыт, я отказался, признавшись честно, что передо мной стоит целевая задача – без каких-либо выкрутасов получить высшее образование. Парни поняли меня и не осудили, но «принципиально честная» комсомольская общественность осудила их. По поводу «самиздата» (первый и единственный номер, написанный от руки, всё-таки увидел свет) состоялось открытое комсомольское собрание, и «мальчиши-кибальчиши» получили трехведёрные витаминные клизмы. Каждый. Господи, как это было умирительно! Их лишь пожурили и надавали по попке выговорами. А может, им таки «поставили на вид»? До сих пор не понимаю, что это такое – поставить на вид. В инызе за малейший «самиздат» гнали из комсомола со всей пролетарской ненавистью, а значит, и с институтом приходилось прощаться.

Первые дни на «подготовишке» – это песня, сказка, это белые (и других цветов) стихи. Ей богу! Всё чинно, благородно, интеллигентно, умно и романтично. Шло интенсивное знакомство с преподавателями. Анна Ивановна Вайсман! Ольга Николаевна Щербань! Виктор Иванович Кулагин! Людмила Петровна Малыхина! Виктория Фёдоровна Шевчук! Анатолий Алексеевич Ромас! Валерий Васильевич Сухих! Вячеслав Васильевич Белоглазов! Личности! Глыбы! А спросите пожилого отрока (меня то есть), помнит он хоть одного преподавателя Иркутско-

го иняза? Ни единого! Знать, не вызывали они таких эмоций и великого уважения...

А здесь! Вот в аудиторию входит Анна Ивановна Вайсман (это уже потом, далеко после нас, она смогла себе позволить назваться своим истинным именем — Нехамма Иоанновна). Её наряд (трико с растянутыми коленями, выдавший виды свитерок, совершенно нелепая обувь) вызывает совсем не лёгкое недоумение. В руках бутылка с кефиром и булочка (ну, честное слово, не вру!). Мило улыбаясь, она предлагает: «Кому плоток кефира и кусочек выпечки?» Вы представляете?!

Рабоче-крестьянская аудитория сражена и молчит, а во мне вдруг рождается гусарская лихость (по банальной схеме — была не была!). Я по-ученически поднимаю руку и говорю уверенно: «Я бы не прочь, сударыня». Анна Ивановна кокетливо улыбается: «Так подходи, чего ты?»

Оторопь. Но это первые секунды. Как только Анна Ивановна начинает предметно говорить, оторопь уступает место восхищению. Моему восхищению. Анна Ивановна с удовольствием смотрит на восхищённую рожу вчерашнего «пролетария», подходит, склоняется и шепчет: «А ещё я танцую, пою и вышиваю крестиком. Закрой рот». Закрываю рот и расплываюсь в совершенно счастливой (дауновской) улыбке.

Уже будучи студентом исторического отделения, я «с риском для жизни» сбегал со своих лекций на лекции Великой Анны, и после первого курса она спросила: «Хочешь, похлопочу на предмет перевода на наше отделение? Ведь не историк ты, вижу, что маешься». Я и впрямь был «не историком», и впрямь «маялся», кое-как «сводил концы с концами» на ниве ученичества. Стабильный троечник, стабильный прогульщик. Единственный раз сдал сессию на «отлично», да и то на спор. То есть не было (и нет) во мне «исторического куража», как, например, в Олеге Смирнове, который и сегодня «с закрытыми глазами» назовёт вам любую дату и проанализирует событие.

Честно признаться, с удовольствием вспоминаю образовательный процесс лишь на лекциях Анны Ивановны. Хаживал я к ней и на практические занятия и, порой, блистал знаниями круче лучших её учеников. Но это, опять же, благодаря «внеклассному» общению с Вайсман. Бывало, она хитро щурила левый глаз и предлагала: «Давай завтра поохмим? Я буду задавать на практическом “глубокие вопросы”, ответы на которые будешь знать только ты». И тут же из уст Великой Анны я получал знания — ответы «на глубокие вопросы».

ОКУРОК НА ПЛОЩАДИ ТЯНЬАНЬМЭНЬ

Журналист Орлов (в узких кругах — Птах) шёл по знаменитой площади Тяньаньмэнь в сопровождении старого знакомого дипломата-торговца Краснова (в узких кругах — Китаец), давным-давно проживающего в Пекине. Дима трудился в советском торгпредстве в качестве заместителя по связям с общественностью. Общественность в Пекине крутилась разная, и чем дальше от культурной революции, тем она (общественность) становилась разнообразней.

Будучи на Сахалине в путинном «стройотряде» (мы работали на рыбоконсервном заводе в Стародубске), выслал Анне Ивановне небольшую посылочку с икрой, рыбой и консервами, сопроводив правдиво-романтическим письмом, где честно рассказал, как мы вытаскиваем свежайшую, ещё живую рыбу прямо с плота, тут же её разделяем, просаливаем тушки и икру и прячем в леднике. И про то, как выносим коробками из цеха консервы с лососем через «комсомольскую проходную» (дырку в заборе) и отправляем родным и знакомым на материк. И про то, как вечерами пьём местную бормотушку по имени «Клоповка» (так ягода называется, но клопами она вовсе не пахнет), закусываем её икрой (непременно большой ложкой из большой банки — студенческий стёб) и поём под гитару светлые песни Юрия Кукина: «Мой маленький гном, сними колпачок и брось, не грусти, разожди кулачок...» Великая Анна оценила мой сахалинский презент и письмо. Через восемь дней я получил бандерольку с тёплыми шерстяными носками (в письме пожаловался на сахалинскую сырость и холод) и коротким посланием: «Всё очень вкусно, но ведь за это могут посадить. Давай лучше общаться в Благовещенске, в сахалинскую тюрьму я не приеду...»

После второго курса Анна Ивановна буквально за шкуру привела меня в редакцию газеты «За педагогические кадры» и, передав «из рук в руки» редактору (в ту пору им был Александр Голомидов), сказала в мой адрес: «Он вообще-то будет писателем, но и журналистом тоже». Я (к собственному великому удивлению) выполнил «программу» Великой Анны, став и писателем, и «журналистом тоже». В 1981 году пополнил ряды Союза журналистов СССР, а в 1995-м — Союза писателей.

Завершая сие повествование (а рассказывать можно долго и много о прекрасной Ольге Щербань, которая ещё на рабфаке, оценив моё сочинение, резюмировала: «Это может стать вашим будущим»; о Людмиле Малыхиной, ставшей героиней нашего с Саней Герасимовым первого очерка в «Амурской правде»; о Вячеславе Белоглазове, «под крылом» которого я постигал азы педагогики в знаменитом ансамбле «Ровесники»; о Викторе Кулагине, который, кроме интереснейших знаний, давал нам уроки принципиальности и честности; о Геннадии Аленишкине — нашем строгом, но заботливом «отце»), склоняю в знак большой благодарности голову и говорю: «Спасибо тебе, мой пед, огромное спасибо!»

Собираясь в Пекин, Орлов позвонил Китайцу и спросил: «Взятки борзыми или бородинским и селёдкой?» Дима выбрал второе.

Краснов уже давно стал «китайцем». В Пекине у него родились сыновья, в Пекине у него наладился быт, который в СССР и присниться не мог, в Пекине его жена чувствовала себя Женщиной. И когда Орлов однажды спросил: «На родину скоро?», — Китаец вместо ответа повесил свой вопрос: «Что я тебе плохого сделал, советский папарацци?»

Краснов по-прежнему в Китае, а СССР уже нет, навернулся Союз нерушимый, и Орлов, если он и папаша, то уже не советский, а российский. Они идут по знаменитой площади (Дима всегда это делает по приезде земляков), и Птах вдруг ни с того ни с сего предлагает: «Заспорим, что найду здесь окурок?» Он известный баламут-спорщик, но без фанатизма. Что-нибудь озвучит явно нелепое, вытащит на спор, покричит пару минут, изображая азарт и страсть, и тут же утихнет, утихнет, потеряв всякий интерес к предмету спора.

Ещё вчера Орлов был в Харбине и устроил себе небольшую забаву для дела и души. Московский коллега попросил (при этом назвав хорошую цену) очерк из Харбина, в котором зерно – заблудившийся российский гражданин. «Ну, сам понимаешь, старичок, эмоции, сопли, дружба навек...»

С тридцатью юанями вышел российский гражданин-журналист Орлов из гостиницы «Тао Юань» с конкретной целью – заблудиться. Как учили. Чтобы пообщаться с рядовыми харбинцами на улице (не зная китайского языка) и понять, прочувствовать, что его ждёт – без паспорта, без визитки отеля. Когда она в кармане – бояться нечего, показал любому таксисту или пешеходу – и вся недолга. Паспорт и визитка, естественно, на всякий пожарный случай в кармане лежали. Харбин – дело серьёзное, четырёхмиллионный город, мало ли... Так думал Орлов, выходя из гостиницы.

Первый час он целенаправленно удалялся от «Тао Юань» под хорошую джазовую «солянку» в ушах и со светлым настроением. Через час ровно, по плану, «заблудился». Первым, к кому Орлов обратился со своей «бедой», был шо фэй пинь (старьёвщик), каких в Харбине пруд пруди. «Блеснув» китайским, Орлов спросил: «Ни чао шемо минз?» («Как тебя зовут?»). Произношение российского гражданина было настолько «великолепно», что старьёвщик ничего не понял.

Перед «большим выходом» Орлов проконсультировался с переводчиком Севай и записал русскую транскрипцию нескольких фраз на китайском. Как то: я журналист; я заблудился; у меня нет документов; я не знаю названия гостиницы, в которой живу; как пройти в туалет; пожалуйста, помогите мне.

Опыт на старьёвщике не удался. Он (звали его Сэн) не понял ни одной фразы. Но тем не менее они славно пообщались. Причём диалог был вполне деликатным, они нечасто перебивали друг друга. Когда Орлов рассказывал Сэну о своих проблемах, тот кивал, смеялся (только вот над чем?) и хлопал русского по плечу. Поведав о своих «заклочениях», Орлов замолкал, и тогда подключался Сэн. Громко говорил, жестикулируя свободной рукой и периодически ударяя палочкой по маленькому барабану для привлечения внимания, а другой толкал тележку. В особо интересных местах повествования он подпрыгивал, потом вдруг замолкал и тяжело вздыхал. Вероятно, вспоминал родную деревню. Сева говорил, что старьёвщики, как правило, люди из сёл, решившие покорить город.

Вместе они прошли пять кварталов, за это время Сэн купил несколько пустых коробок из-под бытовых приборов, две «бэушные» кастрюли, выдавший виды плед и рваное одеяло. Российский гражданин попробовал втюхать ему свою шапочку, но Сэн засмеялся и протестующе замахал рукой.

Через полчаса они подошли к «тусовке» харбинских старьёвщиков. Возле маленького продуктового рынка собралось около десятка шо фэй пинов со своими тележками. Сэн представил Орлова, сказав традиционное: «Длуга». Русскому было предложили миску похлёбки из тофу, но хозяйка большой кастрюли почему-то возмутилась, миску отобрала и сказала нечто сакраментальное: «Капитана, ноу». Не вышло «скитальцу» на халяву отведать горячего супца. Орлов попрощался с «длугами» (они жали ему руку и хлопали по плечу) и пошёл дальше.

Вскоре почувствовал, что уже «в ушах булькает», срочно нужно в туалет. Справа по ходу стоял «Харбин коммерсиал банк». Орлов подумал: «Пролезет или откажут?» – и неуверенно открыл дверь. Дорогу преградил крепкий охранник и что-то строго спросил. Орлов достал свою шпаргалку и прочитал вслух: «Во сиан чи сишоучжен?» Подразумевалась фраза: «Как пройти в туалет?» Но охранник ничего не понял и окликнул менеджера. Подтянутый, стильно одетый и благоухающий хорошим парфюмом молодой человек улыбчиво обратился: «Дую спик инглиш?» Российский гражданин понял, что тут «под дурачка косить» сложно, поэтому упорно забубнил: «Во сиан чи сишоучжен?» Менеджер болезненно сморщился, он ничего не понял в этом «китайском». Тогда Орлов откровенно показал на промежность и черкнул кистью по шее. Жест был очень убедительный, служащий широко заулыбался, подхватил его под руку и, что-то сказав охраннику, повёл по коридору. Из банка «скиталец» вышел счастливым. Подумал: «На родине этот номер бы не прошёл».

Орлов шёл по деловому Харбину, заходил в небольшие офисы, магазины, аптеки и везде сообщал, что заблудился. Но никто его так и не понял. Тогда он стал обращаться к пожилым людям в надежде, что они знают русский язык. Ему почти повезло. Навстречу шли старые (лет за семьдесят) люди. Надо полагать – супружеская чета. Орлов встал на пути и произнёс волшебное слово: «Товарищи...» Старички заулыбались, мужчина протянул руку: «Зластэй, тавалися, как зывёса?» К сожалению, ничего более они по-русски сообщить не смогли и на вопросы не ответили.

Помыкавшись, Орлов зашёл в небольшую «чифанку», подошёл к стойке, показал на маленькую бутылочку водки и жестами объяснил, что не прочь чего-нибудь перекусить. Ему подали меню, но там были сплошные иероглифы. На стойке стояли три кастрюли с разными супами и тарелка с лепёшками. В итоге российский гражданин заполучил чашку рисовой похлёбки, две лепёшки и водку всего за пять юаней. Пока расправлялся с едой и питьём, появились люди и заказали нечто из баклажанов и фарша. Орлов показал на блюдо и поднял свою чашку, мол, хочу того же, но поменьше.

Насытившись, он решил немного поработать, сделать кое-какие записи о своих похождениях. Достал блокнот, ручку, отодвинул чашки, расчистил место и только начал писать, как у стола вмиг возник хозяин и быстро с тревогой заговорил. Суть была ясна – что пишешь, зачем, что-то не так? Орлов успокоил жестами: всё нормально, просто делаю необходимые записи. Мужчина улыбнулся, отошёл от стола, но тут же вернулся с маленькой бутылочкой водки: «Плезент». Орлов замахал руками: «Ноу презент!»

Через пару минут к столу подошёл повар и поставил большое блюдо с едой. Орлов опять сделал отмашку. Вышло так, что он очень перепугал людей своей писаниной. Ругнул себя: «Хемингуэй драный». Быстро собрал свои причиндалы, пожал руку хозяину, поклонился и вышел.

После еды разморило, переходя улицу, лениво замешкался и получил автосигналом по ушам. Орлова всегда потряхивает от дорожных вольностей в Китае. Тихий ужас. Машины, мотоциклы, велосипеды едут, как заблагорассудится, знаков, светофоров для них не существует. Вдруг, ни с того ни с сего, автомобиль перерегораживает движение и преспокойно разворачивается. Но никто не выскакивает из машин и не материт «мерзавца». Все терпеливо ждут. Самое удивительное во всей этой кутерьме то, что дорожные происшествия здесь крайне редки. Пешеходу в этом городе бояться нечего. Единственная помеха (с непривычки) – частые, пугающе громкие сигналы.

Опять подошёл к старьёвщику, ради проформы спросил, где находится отель «Тао Юань». Шо фэй пинь широко улыбнулся, помахал рукой и проследовал мимо. Орлов смотрел на него и думал: «Почему старьёвщики исчезли с улиц России? Они же санитары. Потому, отчасти, у нас такой бардак и вечно переполненные мусорные контейнеры». И ещё поймал себя на мысли, что всё большей симпатией проникается к этому народу – трудягам-муравьишкам. Сдаётся, что лет через пятнадцать-двадцать Китай станет ведущей державой мира.

Всё. Утомился. Пора в отель. Подошёл к воротам солидного заведения, спросил на английском охранника, как добраться до «Тао Юань». Тот улыбнулся, кивнул головой, выскочил на проезжую часть, тормознул такси, что-то сказал водителю и махнул Орлову. В машине гражданин России включил плеер и под знаменитую «Чучу» незабвенного Гленна Миллера незаметно подъехал к своей гостинице.

На предложение Орлова Дима лишь усмехнулся, но потом снизошёл: «На этой площади ты, пташка божья, никогда в жизни не найдёшь даже отдалённого намёка на пошлый окурок. Тяньаньмэнь, паря, – национальное достояние, если ты не в курсе». Орлов по-бычьему склонил голову, он упёрся. «Я предложил пари. Если ты, китайская морда, отказываешься, значит, боишься. Других вариантов нет». Краснов вздохнул. Так вздыхают, когда смотрят на избалованного капризного ребёнка. «Ну что ж, ищи. Если найдёшь, с меня “Хеннеси”». На этот раз усмехнулся Орлов: «Ой! Шо мы такое слышим? Дима

Краснов поставит “Хеннеси”! Хорошо, что я дожил до этого дня. Китаец, ты хоть сам-то веришь в то, что сейчас сказал?»

Краснов никогда не отличался широтой поступков. Взглядов – да, но не поступков. Орлов знал его со студенчества. Дима познавал восточные языки в высшем командном училище, а Птах осваивал азы журналистики в университете. Познакомились они на одном из заседаний литературного объединения. Краснов кропал оригинальную фантастику, Орлов – светлые повестушки и рассказы. Они были в начале этого пути и оба без лишней застенчивости мнили себя если не Большими Писателями, то уж талантливыми точно. Отдавая на суд старших свои работы, Краснов всегда говорил: «Знайте, вы соприкасаетесь с Высоким Творчеством». Но когда в ответ слышал: «Лучше за бутылкой сбегай, высокий ты наш», – всегда разводил руками: мол, рад бы, но в кармане ни копейки. Расколоть Диму даже на бутылёк бормотушки не представлялось возможным. А тут – «Хеннеси»!

Лишь один случай небывалой щедрости Краснова запомнила литературная общественность, когда он подарил ответственному секретарю молодёжной газеты Ирочке Шляйсер три гвоздики. Целых три гвоздики, можно сказать, букет. Жадина-говядина Дима Краснов – целых три гвоздики! Но это вполне можно списать на половое созревание юноши Краснова. Только этот фактор может объяснить приступ щедрости данного индивида.

Орлова вела интуиция. Он знал, что непременно найдёт хоть заваливший окурок на этой вылизанной площади. Было знание. Он поднял голову: «Слышь, Китаец? Сегодня понедельник, это мой день, и я обязательно выиграю». Птах сказал, опустил голову и с исследовательской тщательностью археолога очень медленно пошёл по площади. Краснов шёл рядом. Он не ёрничал, просто шёл рядом и расспрашивал обо всём и ни о чём. А потом перешёл на конкретику.

– Птах, а ты слышал что-нибудь о Варваре?

– Не только слышал, но и видел её перед отъездом. Она вернулась и работает в издательстве. Не забыл Варвару-Красу, Димон?

– Не забыл. Ты же знаешь, она была моей первой женщиной и женщиной моей мечты.

Варвара и впрямь была первой женщиной курсанта Краснова. Он как-то припозднился с этим делом и потерял девственность только в семнадцать лет. При помощи и непосредственном участии модной в то время поэтессы Варвары Скрябиной. На очередной собирушке со стихами, килькой в томате, водкой «Экстра» и гитарой изрядно поддавшая Варька сделала официальное заявление: «Уважаемое собрание, торжественно обещаю лишиться сегодня девственности начинающего фантаста Краснова». Пообещала и сделала. После этой ночи Димка прилип к Варваре, как осенний лист к асфальту. А потом в том же темпе отлип, поскольку Поэтесса партнёров меняла легко и непринуждённо, а главное – быстро.

На двадцатой минуте изучения национального достояния Орлов почти сдался, но тут произошло нечто, враз изменившее печальную ситуацию. К ним подошёл сильно озабоченный полицейский и раздражённо, почти на крике, заговорил. Птах ни слова не понимал и недоуменно смотрел то на стража порядка, то на приятеля. А Краснов очень скоро успокоил китайского полисмена, рассказав ему забавную историю об искателе окурков на Великой Площади. Полицейский рассмеялся, pokrutil пальцем у виска (вот уж воистину интернациональный жест), но вдруг лукаво взглянул на дурного спорщи-

ка, вытащил из кармана пачку сигарет, вынул одну, щёлкнул зажигалкой, пару раз затянулся и бросил. Он бросил сигарету и счастливо взвизгнул, уж больно человеку понравилась собственная шутка. Краснов мигом сообразил, чем чревата для него эта ситуация, но Орлов сообразил мигом раньше и мгновенно подхватил окурочек. Он улыбнулся и развёл руками: «Китаец, по-моему, тебе пора идти за “Хеннеси”».

С тех пор минуло три года, а «Хеннеси» от Краснова так и покоится на прилавках пекинских магазинов.

Ольга СЕЛЕЗНЁВА

выпускница БГПУ 2003 года

Очень давно не писала. И очень благодарна редакции альманаха «Амур» за ещё один выпавший шанс опубликовать прозу, которую сама не могу заключить в рамки определённого жанра. На самом деле это просто стихи, для которых у меня не хватило рифм и размеров.

Лирический рассказ

НЕ УХОДИ

Он не был моей второй половинкой. Приехал однажды вечером, зимой, и сказал: «Знаешь, Царевна, мы с тобой из разных миров: ты из чистого и светлого, я из циничного и жестокого. Со своей ранимой душой ты не выдержишь жизни с бандитом. Ты не умеешь спускаться с небес». Разве влюблённые бандиты так говорят? Постоял в полутёмной прихожей, долго-долго, обнявшись со мной, лоб в лоб, как дети в детском саду, сказал, что вернётся, часа через два, три, четыре. И навсегда уехал... Не прощаясь.

Я ждала его день, два, три, четыре. Взяла на работе отпуск. Без содержания. Уехала в деревню, на дачу. Посмотреть на звёзды. Особенно на Кассиопею. Ах, какая я романтичная барышня!.. Печь затопила, косы заплела. Бриллианты слёз утерла. Вышла в первый вечер со своим биноклем на улицу, а на крыше – чужой котёнок. Чёрный, тощий. Плачет. Забраться на крышу я забралась, и даже котёнка достала, сама себе МЧС, но, когда слезала по лестнице, этот испуганный зверёк вцепился в меня так, что я от неожиданности потеряла равновесие и упала прямо на землю. И вдруг абсолютно без бинокля увидела лунные кратеры. Причём все они показались мне действующими вулканами. И, как по спецзаказу для спустившихся с небес, в моей голове запел свою знаменитую «Luna» итальянский тенор Алессандро Сафина: «Luna tu cuantos que escuhaste ya...»: «Луна, мы, дети этой земли, кутаемся в твой свет; дети, которые ночью возвращаются к сомненьям, что есть любовь, разрушающая сердце». Я первый раз услышала её в Венеции. Она звучала в чьих-то динамиках неподалеку от дома легендарного Джакомо Казановы. Грех было не запомнить!

Конечно, я набирала его привычные шесть цифр. Изо дня в день. Конечно, он не брал трубку. Это всё ерунда про гордость и чувство собственного достоинства у воздушных барышень. Я писала ему смс. На английском, французском, китайском. На итальянском. Я писала его имя на запотевшем окне, на снегу, бисером на ткани, нитками на свитере игрушечного медведя. Оставалось только развести костёр во дворе и ждать, когда он увидит облако дыма. Всё, что от меня осталось, это облако... Как от снегурочки, прыгнувшей через костёр.

Нет, у нас не было общих друзей. Мы ведь были из разных миров. Я учила три иностранных языка в институте и ещё один, итальянский, по самоучителю, была влюблена в Италию, растила орхидеи и избегала шумных компаний, а он любил превышать скорость, носил оружие и знал высшую математику на твёрдый трояк. Абсолютная классика жанра. Абсолютно ничего общего. Разве что у меня были глаза как у какой-то царевны из его любимой сказки. Маленьким мальчиком не мог оторвать глаз от картинки в книге, а тут... Надо же, наяву. Зелёная мусть под рыжими ресницами, нефрит в оправе из старого золота, весна в самом разгаре. Разве что его звали Мишей, а я коллекционировала игрушечных медведей. С пяти лет. «Ты будешь тридцать шестым», – смеялась я, когда он впервые позвал меня в кино. Он звал меня всюду. Рестораны, клубы, футбол, лошадиные скачки. К каким-то своим бесконечным друзьям. Словно девушку на выход. Смотрите, какая! Я с трудом приживалась в его мире, точнее, не приживалась совсем. Понимая это и захмелев в очередном, исхлётанном весельем баре, он кричал мне, уходящей, вслед: «Давай уже пересадим твои